

НИКТО, КРОМЕ НАС!

СПЕЦНАЗ
ВДВ

**БАТЯНЯ.
БОЙ ПРОТИВ СВОИХ**

Сергей ЗВЕРЕВ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Батяня. Бой против своих

«ЭКСМО»

2008

Зверев С. И.

Батяня. Бой против своих / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2008 — (Спецназ ВДВ)

Такого задания у майора спецназа ВДВ Лаврова по прозвищу Батяня еще не было. Во главе группы спецназа он должен вылететь на Дальний Восток, отыскать там и вернуть на базу сверхсекретного боевого робота, похищенного по заказу китайской разведки предателем майором Бутусовым. Конечно, у Батяни богатый боевой опыт, так что разыскать чудо-робота в тайге ему не сложно. Но вот захватить этого монстра в титановом корпусе, пожалуй, будет проблемой. Ведь тот запрограммирован на уничтожение любого вооруженного человека и начисто лишен команды распознавания «свой – чужой». А значит, противником, которого надо уничтожить, для него станет группа Батяни. Так что бой предстоит нешуточный...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Батяня. Бой против своих

Глава 1

Лето девяносто девятого с самого начала выдалось хмурым и дождливым. Серое небо, частые ливни, пронизывающий до мозга костей ветер. Лишь изредка сквозь плотные тучи пробивались солнечные лучи, и тогда казалось, что вот-вот потеплеет, наступит настоящая летняя жара. Но ясные деньки надолго не задерживались, лишь дразнили: опять громыхал гром, рассекали небо высоковольтные разряды искристых молний. И пессимисты начинали поговаривать, что уже не распогодится, что все лето пройдет в дождях и сильных ветрах. Но у погоды свои капризы.

Один из таких капризов случился в конце августа. Обрушившаяся с неба жара буквально растопила угрюмые лица людей. Жители Нижнего Поволжья словно проснулись после долгой зимней спячки. Кто-то бросил все дела и уехал на дачу, кто-то отправился в деревню к родственникам, кто-то взял отпуск и просто наслаждался прекрасной погодой у себя дома. За пару дней все окрестные пляжи уже кишели людьми. То тут, то там вырастали, как грибы после дождя, небольшие кафешки, привлекающие посетителей прохладительными напитками и горячими чебуреками. Все в один миг словно ожило и расцвело – жаркое лето уверенно шагало по стране.

Но в военной части ВДВ, дислоцирующейся в Нижнем Поволжье, жизнь всегда шла по другим правилам, нежели на гражданке. Здесь время года сменялось только по приказу министра обороны, когда переходили на зимнюю или летнюю форму одежды и нормы расхода горюче-смазочных материалов. Будь то бесснежная зима, холодное лето, преждевременная весна или запоздавшая осень, десантники не отступали от планов подготовки. Это только на гражданке можно вставить в договор пункт о «препятствиях непреодолимой силы». В армии существование такой силы просто не принимается во внимание. Изнуряющие тренировки проходили при любых погодных условиях и температурах. Такая жизнь показалась бы привыкшему к гражданскому уюту человеку несправедливой и даже издевательской. Мол, зачем совершать кросс в изнуряющую жару, когда те же пять километров можно преодолеть по прохладе. Но только так можно было воспитать в молодых бойцах крепкую волю и твердый, не поддающийся суровым реалиям военной жизни дух.

Вот и в тот день, когда красная ниточка подкрашенного спирта на градуснике уцепилась за деление с отметкой «тридцать», а солнце смолило, будто паяльная лампа, на летном поле проходили зачеты по затяжным прыжкам с парашютом. Сегодняшние испытания были особенными – нормативы сдавали не курсанты, а матерые офицеры спецназа ВДВ.

Почему офицеры? Они ведь и так уже все сдали во время учебы и умеют больше своих бойцов. Они элита и гордость вооруженных сил. Все имеют за плечами не менее сотни прыжков с парашютом, десятки боевых операций... Ответ банально прост – это не только проверка на сохранение навыков, но и традиция. А, как известно, в ВДВ традиции почитают и уважают больше, чем в других видах вооруженных сил.

Экзамены среди командного состава проводились регулярно. Десантники всегда подходили к ним с должной серьезностью и подготовкой, как и полагается настоящему российскому офицеру. Никто из командиров не хотел ударить в грязь лицом перед боевыми товарищами, а тем более перед курсантами. К тому же, если кто-то не сдавал норматив, то получал «неполное служебное...», а это автоматически означало конец карьеры. Поэтому атмосфера на земле, а особенно в небе, где каждый час раскрывались купола парашютов, была очень напряженной –

каждый отстаивал право носить офицерские погоны и берет небесного цвета, а вместе с ними и свое право на будущее в элитных частях.

Деревянная трибуна, тянувшаяся вдоль кромки летного поля, походила скорее на трибуну футбольных фанатов. Сотни «голубых беретов» собрались на ней. Некоторые десантники вскакивали с мест, задирали головы и отдавали честь своим командирам, находившимся сейчас высоко в небе. Так они выражали свое уважение к ним.

Слева от трибуны, укрывшись в тени деревьев, на помосте расположились офицеры: бесстрастные лица, уверенные взгляды. Это были экзаменаторы, принимавшие нормативы по прыжкам с парашютом. Все, что происходило на земле, их мало волновало. Все внимание было приковано к небу, где один за другим открывались купола парашютов. Они сверялись со списками, делали пометки в блокнотах, присматривались то к одному, то к другому парашютисту, перешептывались. Сейчас судьба многих офицеров находилась в их руках.

«Ил-76», показавшийся из-за леса, описал круг над летным полем, зашел на посадку. Вскоре опустилась аппарель, чтобы забрать новую партию офицеров-десантников. Высокий мужчина с погонами майора протер рукавом рубашки запыленные линзы бинокля и закурил сигарету. Свой экзамен он сдал одним из первых – еще вчера, а теперь наблюдал за другими офицерами. Прыжки совершали не только его товарищи, но и офицеры других частей ВДВ.

Изучающий взгляд майора цепко, как объектив автоматической видеокамеры, зафиксировал в воздухе громадную тушу самолета, выплывающего из своего металлического чрева офицеров-десантников. Они сыпались, будто косточки из переспелого арбуза. Это была предпоследняя группа, сдававшая затяжные прыжки.

Маленькие точки парашютистов возникали в небе одна за одной, как звезды в вечернем небе. Майор Лавров напряженно вглядывался в них, будто пытался рассмотреть с земли лицо каждого из офицеров. Он поправил на груди значок с изображением парашюта и цифрой «500». Такой значок выдавали лишь тем, кто прыгнул с парашютом более пятисот раз. Майор гордился им не меньше, чем боевыми наградами.

– Товарищ майор, разрешите обратиться! – раздался охрипший голос сержанта. – Если вы не сильно заняты, – это прозвучало уже не так официально.

Лавров криво усмехнулся и, не отводя бинокля от глаз, произнес:

– Ты бы ко мне еще строевым шагом подошел. Не на плацу. Свое и мое время попусту тратишь.

– Виноват, товарищ майор... – немного растерявшись, ответил сержант.

– Ну, вот опять, – Лавров сбил ногтем указательного пальца пепел на выгоревшую от солнца траву. – Обращайся!

Сержант облизнул пересохшие от палящей жары губы, обошел майора со спины, приблизившись к нему почти вплотную. Он попал в часть из учебки и знал этого высокого майора совсем недавно, но даже за короткое время успел увидеть в нем не грубого вояку, которых в учебной части было достаточно, а настоящего офицера ВДВ, сделавшего из службы смысл жизни. Все курсанты в части относились к комбату как к родному отцу и называли за глаза Батяней. Так и приклеилось к майору Лаврову это по-настоящему уважительное прозвище.

– Товарищ майор, – продолжал соблюдать субординацию сержант, – вы обещали провести внеплановые занятия по рукопашному бою. Ребята ждут.

Лавров, не отрывая взгляда от парашютистов, стремительно приближающихся к земле, незамедлительно ответил:

– Не волнуйся, сержант, сегодня на занятиях меня заменит старший лейтенант Барханов, он профессионал в своем деле.

– Товарищ...

– Сержант, – перебил майор, – кажется, ты что-то забыл.

– Разрешите идти?

– Построй личный состав для проведения занятий. До завтра.

– Есть, товарищ майор, – быстро проговорил сержант и побежал в сторону трибуны.

«Еще не уверен в себе, но далеко пойдет, – улыбнулся в душе Батяня, – научится сразу по делу говорить, и все с ним будет в порядке».

Не успел майор растоптать носком ботинка потухшую сигарету, как в небе стали раскрываться первые купола парашютов предпоследней группы экзаменуемых офицеров-десантников. Лавров приник к окулярам бинокля и напрягся, на его лице дрогнул мускул – один из офицеров по-прежнему продолжал падать, хотя остальные уже зависли на раскрывшихся куполах. Основной парашют, вытянутый вытяжным, трепыхался на фоне голубого неба светлым шлейфом – запутались стропы.

– Брезентовый «стол», живо! – крикнул майор группе курсантов, покуривающих за трибуной у запасного брезентового «стола».

– Товарищ майор, что случилось? – в недоумении спросил один из них, но уже готов был бежать, куда ему укажет командир.

– Живо! – на этот раз голос Батяни перекрыл гул самолета в небе.

Курсанты побросали сигареты и, ухватившись за брезентовое полотнище с крестом, со всех ног бежали за майором. Они еще не заметили, что происходит, но по напористому тону Лаврова уже понимали, в небе случилось что-то ужасное.

Батяня на ходу рванул тонкий ремешок бинокля – поднес окуляры к глазам. Теперь падающий офицер был виден так отчетливо, словно их разделяла какая-то сотня метров, а до падения оставалось секунд десять – не больше.

– Быстрее! – подогнал курсантов Лавров. – Вот здесь! Здесь он упадет! – командовал молодыми бойцами майор, указывая, где остановиться. – Растягивайте брезент!

Батяня точно определил место падения парашютиста.

– Двести... сто... пятьдесят... – тихо проговаривал Лавров, – тяните каждый на себя! Что есть сил, – он и сам уже вцепился в жесткий брезент.

Раздался хлопок, похожий на сильный удар ладоней друг о друга. Десантники пошатнулись, но удержались на ногах. Тело парашютиста попало прямо в центр брезентового круга, как и планировал Лавров.

– Как снег на голову, – рассматривая неподвижно лежавшего на «столе» парашютиста, произнес кто-то из курсантов.

Батяня коротко кивнул – молодые бойцы аккуратно опустили брезентовое полотнище на землю. Теперь парашютист находился в полной безопасности, если, конечно, остался жив.

– Где я? – подозревая, что он уже на небесах, прохрипел офицер-неудачник.

– На земле. Все в порядке. Я не ангел, а майор, – подмигнул парашютисту Лавров. – И угораздило же тебя, брат!

Офицер поморщился от боли, перевернулся на спину. Он уже хотел было приподняться на локтях, как майор Лавров отрицательно покачал головой. В таких случаях лучше пребывать в неподвижности, ведь сломанным может оказаться все что угодно – начиная от шейных позвонков и заканчивая лодыжкой. То, что ничего не болит, – еще не показатель. В первые секунды боли можно и не почувствовать.

– Не дергайся, браток, – Батяня осторожно опустил руку на плечо парашютиста.

Курсанты стояли в стороне, с изумлением наблюдая за коренастым мужчиной с монголоидными чертами лица, распластавшимся на брезентовом полотнище, – упасть с высоты в девятьсот метров и при этом выжить дано не каждому.

– Спасибо, что помогли, – бросил курсантам майор. – А теперь вызовите санитарный фургон, ему срочно нужна медицинская помощь.

– Пустяки! – отмахнулся парашютист и осторожно пошевелил ступней. – Спинной мозг не поврежден.

– Боль ниже пояса чувствуешь?

– Еще как!

– Тогда все будет хорошо.

Офицер прищурился, по его загорелому лицу пробежала чуть заметная дрожь.

– Холодно, – еле слышно проговорил он, – сигаретой не угостишь?

Батяня понимающе кивнул и достал из нагрудного кармана камуфляжной куртки пачку, прикурил, сунул сигарету в пальцы лежавшему.

– Что стряслось в небе? – спросил Лавров, хотя понимал, что вряд ли пострадавший способен сейчас анализировать, но надо было его отвлечь до прибытия медиков.

Парашютист глубоко затянулся табачным дымом и тут же зашелся кашлем.

– Со мной такое впервые, – вымолвил он, – даже не пойму, что именно произошло. Память отшибло. Помню, как пошел, а дальше...

– Не забивай себе этим голову. Вспомнишь. Главное, что все обошлось, – произнес Батяня, поглядывая в сторону трибуны, от которой уже катил санитарный фургон. – Сам-то ты откуда?

– Дальневосточный округ, – незамедлительно ответил офицер.

– Зовут как? – спросил Батяня, проверяя парашютиста на сохранность памяти.

– Майор Бутусов, – тяжело задышал офицер.

– Майор Лавров, – назвалса комбат. – Где-то мы виделись и раньше.

Но продолжить расспросы парашютиста не пришлось, тот потерял сознание. Лавров вынул дымящуюся сигарету из его губ. Двое санитаров бережно погрузили на носилки неподвижное тело парашютиста и захлопнули дверцы машины. На просьбу майора взять его с собой медики ответили категорическим отказом, сославшись на нехватку места в машине. Но Лавров знал, что обязательно навестит пострадавшего парашютиста. Уж очень знакомым показалось ему лицо майора Бутусова.

Батяня раскрошил недокуренную сигарету и зашагал по летному полю, на ходу пытаясь вспомнить, где же он мог раньше видеть этого человека с неславянским разрезом глаз.

* * *

Тускло освещенный коридор госпиталя казался унылым и заброшенным. Стенки с волдырями отслоившейся краски, отваливающейся штукатуркой. Мерцающие, гудящие, словно мухи, лампы дневного света. Свисающие с пропитанного водой потолка провода. Кресла-каталки, брошенные прямо у дверей палат. Новое здание госпиталя обещали сдать вот уже три года подряд, потому в старом и не делали основательного ремонта. Отовсюду пахло медикаментами и хлоркой.

Майор Лавров мягко шагал по бесцветному линолеуму в непривычном для него, накинутом на плечи зеленоватом халате. Майор знал здесь каждый уголок – время от времени он навещал своих курсантов, получивших травмы во время учений или сдачи сложных нормативов.

– Здравствуйте, товарищ майор! – игриво заулыбалась дежурная медсестра.

– Привет, Маринка, – Батяня одарил девушку сдержанной улыбкой.

– Не припомню, кто из ваших ребят сейчас у нас?

– На этот раз моих здесь нет, – улыбнулся майор, опустив на стол коробку шоколадных конфет, – мне бы к майору Бутусову попасть.

– Это тот, у которого вчера парашют не раскрылся?

– Именно, – подтвердил Лавров. – Кстати, как он?

– Нога сломана, а в целом состояние удовлетворительное, – медсестра продолжала мило улыбаться, дольше, чем этого требовала простая вежливость. – Вам в двадцать первую.

Батяня не удержался и подмигнул девушке.

«Хороша, но, кажется, думает, что я на ней жениться собрался», – подумал Лавров и уже хотел было зайти в палату, как за его спиной раздался взволнованный голос медсестры.

– Может, завтра в кино ходим, товарищ майор? Мы с подружкой собирались. Она не может. Жалко, если билет пропадет.

Батяня обернулся и не нашел в себе сил отказаться:

– Вообще-то...

– Тогда завтра в восемь у южного КПП, – девушка покраснела и тут же отвела взгляд.

Палата, в которую определили майора Бутусова, разительно отличалась от тех, в которых находились курсанты и сержанты. Здесь было все необходимое для больного человека – умывальник, отдельный туалет и даже небольшой телевизор, который разрешалось смотреть до полуночи. Да и место у дальневосточного гостя было самым лучшим, как принято говорить в больницах и госпиталях, «козырное» – у окна. Тут тебе и свет, и прохлада, особенно летом, когда в помещении стоит невыносимая духота, как сейчас. Вторая кровать пустовала. Майор оказался единственным старшим офицером, угодившим в госпиталь.

– Подфартило тебе, майор! – произнес Лавров, присаживаясь на угол койки.

Бутусов раскрыл глаза, отвернулся от стены и посмотрел в лицо десантника. На его губах заиграла улыбка, узнал:

– Думал, вновь медсестра со шприцем. Искололи задницу – не знаю, как сидеть потом буду.

– Как здоровье? – Батяня скосил глаза на загипсованную ногу офицера.

– Ерунда, врачи сказали, что через неделю смогу стать на костыли, а потом все срастется в лучшем виде.

Лавров с любопытством всматривался в лицо Бутусову. Вчера он так и не вспомнил, где встречал этого человека, даже начал сомневаться, мало ли бывает просто похожих. Теперь же, при тусклом освещении, он точно припомнил, что знал его раньше. Правда, где он с ним пересекался, оставалось пока для Лаврова загадкой.

– Ты чего так в лице изменился? – сказал Бутусов, ощущая на себе придиричивый взгляд Лаврова.

– Ты ведь «Рязань» заканчивал?

– А что же еще? Десантуру только там учат, – в недоумении ответил майор. – С тобой точно все в порядке? А то смотришь на меня, как новобранец на министра обороны.

– Ты в какой учебной роте был?

– В девятой. У нас еще ротный командир с еврейской фамилией. Как там его... – офицер из Дальневосточного округа нетерпеливо щелкнул пальцами.

– Капитан Берштейн, – как-то само собой всплыло из глубины памяти и слетело с языка у Лаврова.

– Вот-вот, – закивал Бутусов. – погоди, и ты его помнишь?

В памяти Батяни словно прорвало дамбу воспоминаний. Человек, которому он спас вчера жизнь и который сейчас находился перед ним, был его однокурсником по Рязанскому военному училищу.

– Ты еще отличником был, тебя начальство в пример ставило.

Бутусов громко засмеялся – повстречать через много лет своего однокурсника при подобных обстоятельствах дорогого стоит.

– Точно. А ты в какой роте служил?

– У ротного Рылеева.

– Ну и зверь... – выругался Бутусов.

– Ты тоже, когда тебя командиром отделения назначили, своих любил погонять, – неожиданно припомнил Лавров, – тебя даже побить собирались. Или побили?

Бутусов изменился в лице и, немного помешкав, ответил:

– Побили. Но командованию я так и не сказал, кто. В жизни всякое бывает, – он не стал переводить разговор на другую тему.

Десантники добрый час вспоминали своих общих знакомых, ротных командиров, смеялись над курьезными случаями, происходившими во время их учебы в Рязанском училище ВДВ. Майор Бутусов и майор Лавров нашли в своей теперешней карьере много общего и уже вели себя так, словно знали друг друга всю жизнь.

– Ну, и как там у вас в Уссурийском крае? – спросил Батяня, не переставая при этом смеяться.

Бутусов приподнялся на локтях, его лицо вмиг сделалось серьезным.

– Знаешь, Андрей, неважно, – причмокнул он, – в скорой перспективе китайцы заселят всю территорию нашего Дальнего Востока. Они, как саранча – все на своем пути переваривают. Ползут и размножаются, размножаются и ползут. Когда количество населения КНР превысит критическое число, они начнут искать новые земли. А это большая часть востока России, – на одном дыхании говорил Бутусов, – даже третья мировая война может начаться. Пусть наши политики и военные твердят, что самый наш злейший враг США и Европа, но на самом деле все наоборот. Америка и европейские страны – единственные наши союзники в борьбе с китайцами. Только вместе мы сможем остановить эту чертову миграцию саранчи...

– Да брось ты, – махнул рукой Лавров, – мы все равно до этого времени не доживем, да и наши дети тоже. А там и у китайцев бум рождаемости окончится. Чем богаче люди живут, тем у них детей меньше.

Офицер из Дальневосточного округа чуть подался вперед и заглянул в глаза Батяни. Лавров мельком отметил в его взгляде азиатскую хитрость, с такой же с экрана телевизора смотрели восточные дипломаты и политики – гости России.

– Не знаешь ты реальной ситуации у нас на Дальнем Востоке. По телику такого не покажут, а по радио не расскажут. Просто никто об этом пока еще всерьез не задумывается, – ухмыльнулся Бутусов. – У нас в некоторых поселках и райцентрах – больше половины китайского населения! В Хабаре на рынках уже ни одного славянского рыла. Кто нелегально живет, кто вид на жительство за деньги покупает...

Лавров выставил правую руку вперед, поднялся с койки и распахнул форточку. В душную палату ворвался поток свежего ветра.

– Не понимаю я тебя, Игорь, – покачал головой Батяня, запуская руку в темный пакет, с которым пришел в госпиталь, – отчего ты на них зло держишь? – ему не хотелось продолжать скользкую тему.

Со славянином, может, и продолжил бы, но на него глядели раскосые глаза.

– Я сам кореец, родился в Казахстане: туда Сталин еще до войны всех корейцев сослал, – Бутусов тяжело вздохнул, – родители потом вернулись под Хабару. Ты не смотри, что у меня глаза все время щурятся, да и кожа не совсем белая. Можно кем угодно по крови родиться. Но я российский офицер в душе, и этим все сказано.

– Вот за это давай и выпьем, – торжественно заявил Лавров, извлекая из пакета бутылку «Столичной», – все мы граждане одной страны.

– Ты просто читаешь мои мысли, – радостно отозвался Бутусов, – со вчерашнего дня мечтал. Как только запах спирта на ватке почувствовал, сразу понял, чего мне здесь не хватает.

Батяня понимающе кивнул и незамедлительно разлил спиртное по пластмассовым стаканчикам.

– Погоди, а как же? В спецназ ГРУ всех претендентов через сито просеивали. Сам помню. В анкете приходилось писать, не было ли родственников на оккупированных территориях. А у тебя, по сталинской терминологии, предки – враги народа. При Советах об этом до последних лет не забывали. Да и брали в десант только славян: русских, украинцев и белорусов.

Офицер ухмыльнулся и принял из рук Лаврова стакан.

– Не ты первый задаешь мне этот вопрос, – ни на йоту не обидевшись, произнес Бутусов, – все очень просто. Еще с начала восьмидесятых в ВДВ начали создавать небольшие мобильные группы диверсантов, которые в случае локального конфликта с КНР должны были забрасываться в тыл врага, – офицер залпом осушил содержимое пластмассовой емкости и продолжил: – Группы в основном комплектовались из монголоидов. Естественно, бурятов, корейцев, удэгейцев в ВДВ было очень мало, потому такие люди и ценились на вес золота. Можно сказать, мне повезло. Из-за «морды лица» и приняли. А потом снова стали негласно учитывать «чистоту крови», вот и засиделся в майорах...

Батяня был настолько поглощен рассказом Бутусова, что чуть не забыл про внеплановые занятия по рукопашному бою, которые он обещал провести в своей группе курсантов.

– ... в ЗабВо и ДальВо офицер-десантник с монголоидными чертами лица и знанием китайского был элитой. Повезло, – закончил свой рассказ Игорь.

– Интересно, – Лавров бросил взгляд на настенные часы, – давай еще по пятьдесят, и я побегу.

– Наверное, я тебя утомил, – Бутусов всмотрелся в задумчивое лицо майора Лаврова.

– Нет, что ты, – проговорил Батяня, пряча в пакет почтатую бутылку водки и засовывая ее за стопку журналов в тумбочке, – такое не каждый день услышишь. За твое здоровье! – подняв стакан, сказал он.

– За ВДВ! – откликнулся Игорь. – И за тебя. Ты ведь мне жизнь спас.

* * *

Как всегда бывает после ЧП, тут же приняли запоздалые меры безопасности. После случая с нераскрывшимся парашютом отменили сдачу нормативов последней группой офицеров. Со складов доставили новые парашюты, по несколько раз их перекладывали, перепроверяли стропы, искали на материи малейшие дефекты, дабы не повторить печальный подвиг офицера из Дальневосточного округа. Хотя печальным он был отчасти, майор-то выжил.

Но, несмотря на общее напряжение и волнение, сдача нормативов окончилась без чрезвычайных ситуаций. Когда экзамены завершились и Поволжье покинули последние гости, военная часть зажила привычной жизнью: учения по рукопашному бою, стрельбище, изнуряющие тренировки, прыжки...

На майора Лаврова навалилось много дел. Но он все-таки улучшал несколько свободных минут в своем плотном графике и обязательно заезжал к Бутусову в госпиталь. Сидя на краешке больничной койки, он выслушивал истории из жизни дальневосточного офицера, делился своими. Через две недели майору Бутусову наконец разрешили стать на костыли, и он отбыл поправлять здоровье по месту службы в Хабаровск.

Летели месяцы, проходили годы. Много случилось в жизни нашего героя. Батяня все так же воспитывал и тренировал курсантов, изредка ходил с медсестрой в кино. А через пару лет даже чуть было на ней не женился. Казалось, чего еще надо хотеть от жизни? Разве что более высокой должности и очередного звания. Но Лавров не рвался делать карьеру. Для себя решил, что лучше быть хорошим комбатом, чем плохим командиром полка.

Глава 2

Звездное небо, словно густо исколотая иголкой черная бархатистая бумага, расстилалось над просторами Уссурийского края. Сквозь узкий вырез полумесяца призрачный лунный свет лился на ниточку железнодорожного полотна, проложенного здесь еще в начале прошлого века. Казалось, что все спит, отдыхает и не найти на земле места, где было бы так тихо и спокойно.

Тишину природы и безмятежность пейзажа нарушил отдаленный грохот товарняка – рельсы завибрировали, земля отозвалась глубинным гулом, словно вот-вот должно было начаться землетрясение.

С приближением локомотива картина почти нетронутой цивилизацией природы дала трещину и рассыпалась. Вот уже вдалеке заблестели два ярких глаза электропоезда, зазвенел на железнодорожном переходе предупреждающий сигнал. Березы, тянувшиеся вдоль рельс, качнулись, будто хотели убежать прочь от железного зверя, несущегося в их сторону. Товарняк, подгибая под свое брюхо траву и проросший сквозь щебень подорожник, просвистел стрелой. За локомотивом пронеслась вереница вагонов.

Не успела природа оправиться от шума и грохота товарняка, как из-за леса, треща лопастями, выплыл вертолет. Пилот военного вертолета не первый раз пролетал над этими местами, поэтому вел себя уверенно, пренебрегая некоторыми правилами безопасности осуществления полетов – опустив винтокрылую машину чуть ли не до самых верхушек деревьев, прибавил скорости. Турбины загудели еще сильнее, и вертолет теперь шел над лесом, будто комбайн, бороздящий колхозное поле. Пригибались вековые деревья, летели сухие листья, кружилась поднятая мощным потоком воздуха отшелушившаяся кора.

– Хорошо идем! – восторженно воскликнул худощавый мужчина в очках и в штатском костюме. – Но ниже не надо. Я и так теперь местность на полигоне в деталях вижу.

– Это еще что. На прошлой неделе шли мы над озером, так все рыбаки в лодки от страха попадали. Вот это зрелище было...

Вертолет внезапно трянуло – зашелся вибрацией металлический корпус. Худощавый штатский моргнул, прижался спиной к стенке и ухватился обеими руками за края узкой лавки.

– Что это? – дрожащим голосом промямлил он.

– Первый раз, да? – бесстрастно поинтересовался пилот и, не дождавись вразумительного ответа от пассажира, сам же ответил на свой риторический вопрос: – Это боковой удар ветра. Такое случается, когда попадаешь в перекрестный воздушный коридор – просека.

– А-а-а... – слегка успокоился худощавый, но глаза все равно шурил, словно готовился к следующему удару.

– Можете расслабиться, скоро пойдем на посадку, – видя, что пассажир уже не следит за ландшафтом, пилот решил немного разрядить обстановку и втянуть его в разговор. – Вы инженер-оборонщик?

– Да, – закивал головой очкарик.

– А что делаете? – ради интереса спросил пилот, огибая водонапорную башню, одиноко возвышающуюся над верхушками деревьев.

– Разрабатываю новую технику для нужд обороны, – бросил инженер расплывчатое.

– Круто, – присвистнул пилот. – А что именно, если не секрет?

– Именно что – секрет, – неожиданно разнервничался очкарик.

– Государственная тайна, понимаю, – даже не обидевшись, как можно мягче ответил пилот.

Вертолет еще несколько минут летел над лесом, раскачивая верхушки деревьев. Пилот взял влево, выводя вертолет к сопке. Полумесяц, выглядывавший из-за тучи, осветил длинный

сплошной забор, увенчанный колючей проволокой. Вскоре внизу показались и первые строения, ярко освещенные прожекторами.

– Идем на посадку! – предупредил он инженера.

Внизу осветился круг посадочной площадки – на земле коренастый старшина в камуфляжной форме взмахнул красными флажками и, придерживая рукой пилотку, попятился к забору. Вертолет коснулся шасси забетонированной площадки.

Еще не успели остановиться винты, а к винтокрылой машине уже спешили.

– Здравствуйте, Виктор Владимирович, – произнес пожилой генерал-майор, открыв боковой люк вертолета.

Инженер бросил недоверчивый взгляд на лицо пожилого военного, словно припоминал, сравнивал его с воспоминаниями, протер носовым платком запотевшие линзы очков, несколько раз кашлянул.

– Генерал Высоцкий? – не слишком уверенно спросил он, щурясь от слепящего света прожекторов.

– Он самый. Если помните, два года назад мы встречались. Тогда я еще командовал дивизией. Вас ждет машина, – спешно проговорил генерал.

– Извините, у меня плохая память на лица, – немного рассеянно сказал инженер и добавил: – Так это вам, оказывается, в министерстве поручили обеспечить полевые испытания. Значит, теперь вы в должности заместителя начштаба округа. Поздравляю. А я-то думаю – знакомая фамилия.

– Рад видеть вас. Все, о чем вы просили, уже обеспечено. Заместитель министра, если и прибудет, то к окончанию испытаний.

Армейский «УАЗ» стоял прямо напротив посадочной площадки. Сержант-водитель заблаговременно открыл дверцу московскому гостю. Вертолет вновь затрещал лопастями, поднял облако пыли над посадочной площадкой и взмыл в небо.

– Как долетели? – простывшим голосом спросил генерал, когда шум утих.

– Полигон осмотрел. Все уже готово? – осторожно поинтересовался инженер Протасов, бережно кладя на колени серебристый кейс.

– Мои люди – да. А ваши – московские, не знаю, мне они не докладывают.

– И правильно делают. Вы будете удивлены.

– Даже не знаю... – генерал зашелся кашлем.

«УАЗ» дернулся с места и выкатил на дорогу – под колесами машины зашуршал гравий. Фары автомобиля выхватили из темноты фасад здания, вдалеке заблестели огни военной базы. Дорога была настолько узкой, что водителю почти каждые две секунды приходилось выравнивать руль, чтобы не улететь в кювет.

– Разрешите? – инженер вытащил сигареты.

– Сам курил, – признался генерал, – потому уважаю чужие слабости. Пожалуйста.

Инженер Протасов закурил ароматную сигарету и погладил ладонью крышку серебряного кейса. Но не успел он сделать и двух затяжек, как сержант резко надавил на педаль тормоза – отвалившийся от сигареты уголек упал московскому оборонщику на колено. Выругавшись, Протасов с неприязнью посмотрел на водителя.

– КПП, – словно оправдываясь, произнес сержант, – сегодня не наши на посту, а ребята из комендантского взвода.

Двое спецназовцев с автоматами спешили к остановившемуся «УАЗу». Завидев на переднем сиденье генерала, козырнули по-уставному.

– Куда выписан пропуск? – сурово спросил один из них, напряженно всматриваясь в запыленные стекла машины.

– Пятый сектор, – ответил сержант, показывая помятый пропуск.

– Проезжайте! – проверив документы, спецназовец поднял шлагбаум.

Как уже знал московский инженер Протасов, так называемый «пятый сектор» был опытным военным полигоном. Он перед командировкой внимательно изучал его по карте, как мог, рассмотрел с борта низко идущего вертолета. Территория, отгороженная от военной базы высокой сетчатой оградой, простиралась от подножия до вершины сопки. Здесь были все необходимые условия для проведения испытаний любой степени сложности.

Как только «УАЗ» въехал на территорию полигона, водитель остановился. Прямо за старыми воротами стояло успевшее почернеть и даже порости молодыми деревцами бетонное здание командного пункта. Инженер Протасов выбрался из салона машины, осмотрелся по сторонам. За земляным валом виднелся с десяток «УАЗов».

Несмотря на позднее время, все было видно как на ладони: огромное несжатое кукурузное поле, полоска леса, силуэты учебных развалин и длинный, слегка погнувшийся шпиль, на котором, как на воинском мемориале, возвышались заржавевшие серп, молот и пятиконечная звезда. Отовсюду на него веяло заброшенностью и величием прошлого.

– Ну, как вам? – напряженно спросил генерал, проводя вспотевшей ладонью по небритой щеке. – Я предупреждал, что полигон в запущенном состоянии.

– Подходит, – скупое ответил Протасов.

– Тогда пройдемте внутрь командного пункта.

В тесном помещении было не продохнуть: свита офицеров; пара московских инженеров и ученых НИИ, прилетевших еще вчера утром для установки необходимого оборудования; несколько людей в штатском, но с военной выправкой.

Протасов прошел внутрь, протер носовым платком запотевшие линзы очков, посмотрел на стену – по центру висел большой плазменный монитор, подсоединенный множеством проводов к ноутбуку, станции космической связи и к двум камерам наружного наблюдения, выведенным за пределы командного пункта.

Московские инженеры недолго пошептались со своим только что прибывшим руководителем, доложили о полной готовности к испытаниям.

– Товарищи офицеры. Занимайте свои места! – пробасил генерал Высоцкий.

Четыре длинные скамьи со спинками, составленные друг к другу почти вплотную, заполнились сразу.

– Минутку внимания! – произнес генерал и громко кашлянул.

Гул голосов постепенно утих, а вскоре и вовсе сошел на нет. Генерал Высоцкий распрямил плечи и, ощутив на своей персоне повышенное внимание гостей, улыбнулся:

– Кто не знаком – Протасов Виктор Владимирович, – громогласно представив инженера, генерал тут же перешел на шепот: – Вам слово.

– Добрый вечер! – волнуясь, поприветствовал гостей Протасов. – Сегодня вы станете первыми людьми в истории нашей страны, которые увидят боевую машину будущего в действии. Я и мои коллеги пять лет трудились над разработкой этой многоцелевой универсальной машины. Нигде ранее ее не демонстрировали, ни в одной стране мира нет даже подобия того, что смогли создать мы. Это я заявляю с полной ответственностью.

Инженер подошел к ноутбуку и бережно положил рядом с компьютером серебристый кейс, щелкнули кодовые замки. Один из помощников, прибывший со взводом обеспечения два дня назад, устроился рядом, повесил на ухо наушник с отростком микрофона и негромко стал проверять связь.

– Они на подходе, – прошептал помощник, – готовность номер один.

– Сейчас вы сами убедитесь, – Протасов достал из кейса миниатюрный диск и тут же отправил его в дисковод ноутбука.

За спиной московского инженера вспыхнул экран плазменного монитора. Появилось изображение, передаваемое с камеры наружного наблюдения. Протасов дал увеличение – на

фоне полумесяца зачернел расплывчатый силуэт, гости прищурились, пытаясь рассмотреть не слишком четкий объект.

– Это вертолет, – взял слово один из московских разработчиков, – он доставит на полигон груз.

За стенами командного пункта послышался стрекот приближающегося вертолета. Теперь гости отчетливо могли рассмотреть на экране монитора «Ми-24», тянувший под собой на четырех стальных тросах контейнер.

Через несколько минут всеобщего ожидания и любопытства вертолет завис над полем и медленно пошел на снижение. Подбежавшие спецназовцы выровняли качающийся над полем груз и аккуратно опустили его на землю. Отстегнув карабины от тросов, они разбежались в стороны. «Ми-24» взмыл в небо – на закрытом полигоне воцарилась гробовая тишина.

– При необходимости контейнер выдержал бы падение со стометровой высоты, – прозвучал комментарий помощника.

– Начинаем, господа! – воскликнул Протасов, активизируя компьютерную программу. – Я переключаюсь с инфракрасного режима в режим видимой части спектра. Микрофоны на полигоне работают.

Экран плазменного монитора резко погас. Зеленая картинка в инфракрасном свете сменилась реальной. В полумраке полигона послышалось какое-то движение. Гости насторожились – исходивший из темноты звук не напоминал привычное гудение двигателя, а походил скорее на тихое журчание. Противный скрип крышки контейнера, усиленный динамиками и эхом разлетевшийся в бетонном бункере, заставил всех встрепенуться.

– Свет, – скомандовал инженер Протасов.

Вспыхнувшие на вышках прожектора на мгновение ослепили гостей. Когда яркая вспышка рассеялась, камера наружного наблюдения передала на экран плазменного монитора ничем не примечательную картинку: огромное поле и лениво покачивающиеся на ветру стебли кукурузы. Доставленный вертолетом груз терялся среди стеблей.

– Где же он? – спросил кто-то из гостей.

Инженер в душе улыбнулся – разработанная им машина уже в первые минуты своей демонстрации доказала, что заметить ее издалека крайне сложно.

– Робот имеет минимальную высоту, поэтому и не попадает в поле зрения камер, – пояснил Протасов.

Инженер постучал рукой по корпусу ноутбука – его указательный палец мягко, но настойчиво вдавил клавишу «Ввод».

Вновь послышалось тихое гудение. Стебли кукурузы слегка качнулись. Над полем, как над гладью моря, показалась металлическая трубка с небольшой платформой – выдвижной штатив. Но самого робота никто так и не увидел.

– Слово перископ подводной лодки, – хмыкнул кто-то из военных.

– Или лох-несское чудовище, – развил тему генерал Высоцкий, рассматривая на экране плазменного монитора непонятный предмет.

Штатив блестел на свету, отливая то серебристым, то ярко-желтым оттенком. Шесть камер, закрепленных на небольшой круглой платформе, находившейся на самой верхушке штатива, постоянно пребывали в движении.

– Боевая модель робота «Т-191», – прервав долгое молчание, произнес Протасов, – это военный многоцелевой робот. На нем установлена новейшая электроника, он оборудован шестью выдвижными видеокамерами. Как вы уже смогли заметить, они находятся на штативе.

– А как он управляется? – не сдержав любопытства, спросил один из военных.

– Все очень просто, – ответил Протасов, кивая на ноутбук, – его движения контролируются с этого компьютера. Специальная программа поддерживает два режима управления: руч-

ной и автоматический. При втором робот самостоятельно принимает решения и действует в соответствии с занесенными в программу правилами. Еще вопросы?

– А сколько радиус действия... – начал было спрашивать один из военных.

– Два километра, – перебил военного Протасов, – если робот оказывается за пределами этого расстояния, то сам переключается на автоматическое управление, – инженер коснулся миниатюрного джойстика на корпусе компьютера. – Также «Т-191» не боится перепадов температуры в пределах от плюс ста до минус пятидесяти градусов по шкале Цельсия, радиации и отравляющих веществ. Не нарушает воинских уставов, не устает, не капризничает, непривередлив в еде, не пьет и не курит, не ходит в самоволки, не склонен к дедовщине и написанию жалоб в Военную прокуратуру, а в случае его поломки Комитет солдатских матерей не станет подавать на Министерство обороны в суд... – усмехнулся инженер-разработчик.

– Как это не устает? – глуповато ухмыльнулся мужчина в штатском. – В нем что, вечный двигатель установлен?

– Работает на банальных литиевых аккумуляторах, аналогах тех, что используются в мобильных, подзарядка от бытовой сети – 220 вольт. В боевых условиях – от передвижных дизель-генераторов при возвращении к месту дислокации. При необходимости может подзарядиться и от солнечных батарей. Так что можно говорить, в каком-то смысле он не устает.

– А вооружение? – не выдержал нарастающего любопытства генерал.

– Пока робота не поставят в серийное производство, я не могу достоверно об этом информировать, – признался Протасов. – На сегодняшний день мы используем специально созданные модели стрелкового вооружения.

Высоцкий недоверчиво посмотрел на московского инженера:

– Тогда, может, посмотрим на вашего «Т...» – генерал запнулся. – «Т...»

– «Т-191», – подсказал Высоцкому кто-то из гостей.

– Да, на него... в действии. А то у нас в части уже какие-то легенды рассказывают.

Протасов улыбнулся и нажал несколько клавиш на ноутбуке.

– Прошу всех соблюдать спокойствие. Робот находится в учебном режиме и заряжен шариками для пейнтбола, – предупредил гостей московский инженер. – Сейчас он покажет, как может нести караульную службу.

Металлическая трубка, находившаяся до этого в движении, неожиданно замерла – экран плазменного монитора разделился на шесть одинаковых частей, в каждой из которых появилось свое изображение.

– Сейчас мы смотрим на мир его камерами, угол обзора которых – 360 градусов в горизонтальной плоскости и столько же в вертикальной, – Протасов щелкнул указательным пальцем еще по одной клавише, дернул на себя джойстик.

Из корпуса «Т-191» выехал кронштейн, но вместо камер на нем был прикреплен крупнокалиберный многоствольный пулемет.

– Режим – охрана объекта, – самодовольно заявил инженер, – что будем охранять? – Протасов нетерпеливо посмотрел на генерала. – Выбор за вами.

– Пускай будет этот бокс, в котором его доставили, – выбрал объект генерал.

– Нет проблем, начинаем! – Протасов склонился над небольшим экраном ноутбука, на который, как и на плазменный монитор, передавались картинки с видеокamer робота.

Высоцкий достал из нагрудного кармана увесистую рацию, вышел в эфир, отдал команду своим спецназовцам:

– Ваша цель добраться до металлического бокса и установить на нем условную взрывчатку. Цель операции ясна? Тогда приступайте.

Гости выжидающе посмотрели на экран плазменного монитора, на котором вот-вот должна была начаться прямая трансляция испытаний.

– Для удобства я заведу изображение и звук с камер, установленных на касках спецназа. Но примите во внимание, что робот располагает информацией только собственных «органов чувств», – вставил Протасов, – хотя и обучен сканировать радиопереговоры. Смысл слов не распознает, но источник радиоволн засекает. Но эту функцию для убедительности испытаний я отключаю.

На опушке соснового леса захрустел сухостой, колыхнулись кусты ольшаника, в командном пункте из динамиков зазвучали приглушенные голоса десантников спецназа ВДВ. В свете прожекторов по стеблям кукурузы проскользнула пара теней, тут же растворившихся среди стволов соседних деревьев. Два десятка десантников, вооруженных автоматами и приборами ночного видения, начали наступление. Генерал Высоцкий отдал команду на выключение света. Кукурузное поле и кромка леса погрузились во мрак – теперь робот и отряд спецназа ВДВ остались один на один. Представление начиналось.

– Ваш робот ничего не сможет сделать против двадцати десантников-профессионалов, – прошептал на ухо Протасову Высоцкий.

– Откуда такая уверенность, товарищ генерал?

– Они лучшие из лучших в нашем округе.

Инженер не стал спорить – он хорошо знал цену своему изобретению. Оставалось только доказать, что его робот действительно способен справиться с любой поставленной перед ним задачей, какой бы сложности она ни была. Протасов выставил на компьютере ручной режим управления роботом.

Шесть изображений на экране плазменного монитора приняли зеленоватый оттенок.

– Это камеры «Т-191» со встроенными приборами ночного видения. Режим включается автоматически, в зависимости от времени суток, – пояснял по ходу Протасов.

Среди военных уже не слышалось голосов и перешептываний – затаив дыхание, они с неподдельным интересом наблюдали за шестью изображениями, передающимися «глазами» робота. Даже генерал Высоцкий, уверенный в успехе своих людей, начинал понемногу сомневаться.

– Благодаря обзору в 360 градусов мы видим полную картину происходящего. Человеку не под силу охватить такой широкий сектор, – дернув на себя джойстик, продолжал Протасов. – Сейчас я привожу в действие самое надежное оружие робота – пулемет, наводка на цель – вручную, ведение ее в дальнейшем осуществляется уже автоматически, посредством «мозгового центра». Пулемет оснащен лазерной подсветкой цели – длина световой волны находится за пределами человеческого восприятия, и возможностью адаптации сигнала для одной из видеокамер. Сделано это для удобства оператора, сам робот «видит» в любом диапазоне. Сейчас вы в этом убедитесь.

На мониторе вспыхнула дополнительная картинка – инженер плавно повел джойстиком. Объектив одной из камер, словно бинокль с мощной оптикой, приблизил к зрителям опушку леса. Изображение стало настолько четким и реальным, что можно было сосчитать даже количество листьев на нижних ветках деревьев.

– А вот и десантники! – торжественно заявил инженер, увеличивая картинку.

На одной из картинок отчетливо вырисовывались фигуры троих мужчин с автоматами в руках. Прячась в сумраке ночи, они медленно взбирались на небольшую горку, поросшую мелким кустарником. Их лица были перепачканы грязью, а головы укрыты ветками.

– Почему робот не стреляет? – справедливо заметил один из военных.

– Он выжидает подходящего момента, чтобы с наименьшими затратами боеприпасов уничтожить замеченные им цели, – объяснил инженер.

– Выжидает он или вы? – спросил генерал.

– Я могу дать команду на немедленное уничтожение цели, но сейчас предложил программе следовать собственному алгоритму – самому экономному.

– Вот это да... – тут же пролетело в зале.

Уверенность генерала Высоцкого в победе людей над машиной укрепилась сразу же, как только он узнал в фигуре мужчины, попавшего в объектив камеры, командира отряда спецназа ВДВ.

«Они смогут», – успокаивал себя в душе генерал, хотя уже подозревал, что со своей задачей командир не справился – то ли робот был хорош, то ли десантники потеряли бдительность. Но второе можно было исключить полностью, так как отбирал он только настоящих профессионалов. Ориентироваться в их действиях было несложно, по громкой связи транслировались все переговоры.

– А вот и остальные. – Голос инженера Протасова, словно острое бритвы, прошелся по напряженным нервам генерала Высоцкого.

Теперь на мониторе плазменного экрана были видны абсолютно все десантники. Роботу оставалось только открыть огонь. Испытания, проходившие на закрытом полигоне, начинали вызывать у собравшихся в командном пункте гостей улыбки на лицах.

– Игра в кошки-мышки... Они что, его не видят? Ничего себе! Два десятка крепких мужиков с приборами ночного видения даже не подозревают, что их держат на мушке.

Протасов с радостью вслушивался в восторженные возгласы военных. Лучшей оценки его изобретению и дать было нельзя.

– До этого момента я удерживал его на месте – ввел команду не менять позицию. Теперь она отозвана. Сейчас мы увидим робота в бою, – заявил инженер, переводя управление машиной с полуручного на автоматическое.

Монитор плазменного экрана разделился на четыре больших картинки, по стеблям кукурузы чуть слышно зашуршали траки «Т-191». Выбравшиеся на кукурузное поле десантники ползли к металлическому контейнеру.

Высоцкий напряженно всматривался то в одно, то в другое изображение, словно пытался предупредить своих людей об опасности. На одной из камер зашевелилась кукуруза, из динамика раздался еле слышный хруст ломаемого побега. Робот открыл огонь – начали раздаваться глухие хлопки, похожие на звук лопающихся шариков. Через двадцать секунд в руке у генерала зашипела рация:

– Товарищ генерал, наши потери – пятьдесят процентов. Пришлось отойти... – донесся из динамика взволнованный шепот командира спецназа ВДВ.

– Продолжайте выполнять задание! – невозмутимо бросил Высоцкий. – Смените тактику.

– Есть! – рация отозвалась противным шипением.

– Это бесполезно, – ухмыльнулся Протасов, – давайте лучше сразу перейдем ко второму этапу испытаний.

– Продолжайте свою работу, Виктор Владимирович. А мои люди еще поборются, – гневно проговорил Высоцкий, не отрывая глаз от плазменного монитора. – И отключите изображение с камер моих людей. Вы ему подсказываете.

– Он действовал в автоматическом режиме. Но хорошо, товарищ генерал. Как скажете.

Некоторое время камеры робота не засекали никакого движения. Инженер даже немного занервничал – не случилось ли чего с его «Т-191», не сломался ли микрочип, не отказало ли автоматическое управление. Но все переживания Протасова оказались напрасными: вскоре десантники дали о себе знать.

Одна из камер среагировала на движение в стеблях кукурузы – консоль с крупнокалиберным пулеметом сработала мгновенно. Вновь прозвучали глухие хлопки. Двое десантников, выдавшие себя раньше времени, уже лежали на земле, вытирая с прозрачных щитков, прикрывавших лица, красные пятна краски.

«Осталось только восемь», – с досадой подумал генерал.

Но его подсчеты оказались поспешными – через пару секунд были ликвидированы еще пять. Все происходило настолько быстро, что генерал и собравшиеся у плазменного монитора гости не успевали уследить за молниеносными передвижениями робота.

– Продолжать! – скомандовал в микрофон рации Высоцкий.

Но отчаянный приказ генерала уже ничего не решал, исход битвы был предопределен. Робот тронулся с места и, скользя по полю, словно по льду, на своих миниатюрных траках двинулся в сторону бокса, к которому уже со всех ног бежали остатки десантного отряда. «Т-191» не упускал из виду никого и расстреливал все, что движется. Десантники, сраженные учебными пулями, показательно валились в кукурузу, взмахивая руками.

– Еще секунд пять, и от десантного отряда никого не останется, – победоносно заявил Протасов, наблюдая за монитором компьютера.

– Он сумел! – воскликнул генерал, всматриваясь в картинку, передаваемую одной из камер.

На изображении отчетливо вырисовался уцелевший командир отряда, приближающийся к намеченной цели – металлическому боксу. В его вытянутой руке уже чернела заветная взрывчатка. Но робот просто ждал подходящего момента, чтобы нанести прицельный выстрел. Раздался хлопок – на плексигласовом щитке командира спецназа ВДВ проступило пятно краски.

– Потери сто процентов, – сразу же передал по рации он.

– Возвращайтесь к командному пункту, – прохрипел в микрофон рации Высоцкий.

Тесное помещение командного пункта наполнилось взрывом аплодисментов и восторженными возгласами в адрес робота «Т-191». Протасов выжидающе посмотрел на генерала Высоцкого.

– Включите прожектора, – нехотя скомандовал тот.

Поле и кромка леса залились ярким светом, – ломая стебли и побегов кукурузы, к зданию командного пункта катил, шурша траками, непобедимый робот. За приземистой машиной, мелькающей в побеге кукурузы, еле поспевали уставшие спецназовцы. Их одежда и лица были перепачканы краской учебных шариков.

– Это еще не все! – самодовольно заявил инженер Протасов. – Кажется, товарищ генерал подготовил для нас еще один сюрприз.

Высоцкий сморщился и взял рацию в руки:

– Начинайте.

В темном небе над лесом появился тот самый вертолет, который несколько часов назад доставлял на поле груз с роботом.

– Сейчас мы станем свидетелями того, как «Т-191» самостоятельно переключится на режим противовоздушной обороны, – обратился к гостям Протасов, – внимание на экран!

На мониторе вспыхнула новая картинка, на этот раз размером во весь экран, появился нарисованный компьютером прицел. На изображении, передающемся с камеры слежения, «Ми-24» приобрел красноватый цвет. От него фейерверком отделялись тепловые ловушки.

– Робот включил тепловой датчик, – пояснил Протасов, – в данном случае прицел будет зафиксирован на топливном баке вертолета. Он обучен отличать вертолет от тепловых ловушек.

Не успел «Ми-24» приблизиться к полю, как прицел робота автоматически остановился на корпусе крылатой машины. Из боковины «Т-191» выехала самонаводящаяся ракета «земля – воздух». Эффектного старта не последовало. На экране загорелась табличка о подтверждении уничтожения цели.

– Я думаю, достаточно, товарищ генерал, – произнес Протасов, любуясь результатами своей работы. – Ракета хоть и без боеголовки, но вред принести сможет.

– Отбой! Возвращайтесь на базу, – приказал пилоту Высоцкий.

– Как вы видите – условная цель поражена! – выкрикнул из толпы один из московских инженеров.

Генералу ничего не оставалось, как признать свое поражение.

– Неужели он совершенно неуязвим? – спросил Высоцкий.

– Похоже, что да! – раздался голос того же московского инженера.

Гости вновь зааплодировали. На этот раз Протасов поднялся с места и поклонился. Его рука непроизвольно потянулась в сторону стоявшего рядом с ним генерала Высоцкого.

– Позвольте ваше оружие, для демонстрации.

Немного помявшись, тот все-таки вложил в руку инженеру именной «стечкин», как и положено по правилам хорошего тона – рукоятью вперед.

– А теперь прошу всех наружу, – подняв пистолет-автомат над головой, Протасов направился к выходу.

К удивлению гостей, робот оказался еще ниже, чем они его себе представляли, – металлический монстр с полметра высотой походил на гигантскую черепаху. Вместо лап – траки, вместо панциря – обтекаемый титановый корпус. На вид робот был легкий, и казалось, его можно перевернуть одной ногой. Однако гость, попытавшийся это сделать, тут же понял тщетность своих усилий – приземистый «Т-191» стоял на траках так же уверенно, как танк на гусеницах. На глазах у гостей и уже подтянувшихся к командному пункту десантников инженер Протасов вскинул «стечкин».

– Что он делает? – тихо спросил у одного из московских инженеров генерал Высоцкий.

– Заключительная фаза испытаний, – ухмыльнулся тот, – можно сказать, импровизированная.

Раздались выстрелы – корпус робота «Т-191» зашелся искрами, словно оголенный провод, попавший в воду. Когда патроны в обойме закончились, Протасов опустил «стечкин», вернул его законному владельцу.

– Титановый корпус обычным стрелковым оружием не прошибешь, – любясь на свое детище, заявил московский инженер, – его только из «станкача» можно нейтрализовать!

– Вот это да... Интересно, сколько такой робот стоит? Нам бы таких на вооружение... – зашумели военные.

– А теперь, кто хочет осмотреть робота поближе, милости прошу, – Протасов щелкнул зажигалкой и закурил сигарету.

* * *

Быстрая река, зажата с обеих сторон невысокими горами, буквально искрилась лунным светом, отчего складывалось обманчивое впечатление, что вместо воды в ней течет забродивший кефир. Каждый раз, когда в долину вдоль северного склона залетал порывистый ветер, лес, подступающий к узким, скалистым берегам реки, оживал: выворачивались белой изнанкой листья, потрескивали засохшие деревья, шуршали ветки, от чего у городского человека, оказавшегося в здешних местах, мороз пробегал по коже. Но даже когда погода не буйствовала, тут не было спокойно, в глубокой чаще леса завывали волки, отбивал чечетку дятел.

Однако этой ночью ни первого, ни второго в долине не наблюдалось – на смену природным звукам пришел человек. Шум музыки, вырывающийся из мощных автомобильных динамиков, гул разговоров, призывный звон стекла, смех. Они, казалось, доносились отовсюду. И, как это обычно бывает в предгорьях, любой, даже еле слышный звук разлетался эхом, множился, отраженный скалами, с каждым новым отражением становясь лишь немногим тише.

На берегу реки под брезентовым навесом за длинным деревянным столом из свежеструганных досок, заставленным хорошей водкой и средненьким коньяком, сидели десять мужчин с по-государственному важными лицами. В отдалении, сложенные с военной аккуратностью,

высились штабельки чурок сухостоя. На сваленных бензопилами хвойных деревьях, еще пахнущих свежей, не успевшей затвердеть смолой, у костерка расположились бойцы комендантского взвода, осуществляющие охрану испытаний.

На большом мангале, который в темноте можно было принять за спортивный снаряд «козел», через который так или иначе доводилось прыгать каждому военному, уже доходила очередная порция скворчащего на раскаленных углях мяса.

– Сходи, холоденькой принеси! – приказал полковник – командир ВЧ, которой принадлежал полигон, демонстративно ставя под стол опустевшую бутылку водки.

Когда ящик остудившейся в речной воде водки был доставлен прямо к столу, военный поднялся с лавки и поднял над головой руку.

– Минутку внимания, – наполняя пластмассовый стакан спиртным, громогласно заявил он, – за новые технологии в отечественном роботостроении!

Собравшиеся за столом гости подняли головы.

– Подожди, полковник, – осипшим голосом возразил генерал Высоцкий, – тост у тебя правильный, но несправедливый. Во всем нужно учитывать человеческий фактор. Я предлагаю существенное уточнение, давайте выпьем не за сами технологии, а за людей, которые смогли создать робота. А точнее, за российских инженеров и ученых!

– За робота! – послышалось с другого конца стола.

Двое сотрудников ФСБ в штатском, стоявшие поодаль от стола, переглянулись. Казалось, что этих двух каменных истуканов ничего не волнует в жизни, что они напрочь лишены элементарных чувств. Поднеси к их лицу раскаленную кочергу, даже не шелохнутся, поставь перед ними раздетую Дженифер Лопес или стакан с водкой – тот же эффект. Таких ребят на службе ничто не берет.

– Может, присоединитесь, товарищи офицеры? – неожиданно обратился к ним седовласый полковник, которому стало жалко двух мужчин, не принимавших участие в праздновании. – Конечно, извините, что не по званию обращаюсь, но погон не вижу.

– Товарищ полковник, – холодным как лед голосом отозвался один из чекистов, – мы на службе.

Полковник несколько не обиделся, а, даже наоборот, уважительно кивнул: мол, понимаю.

Инженер Протасов со скучающим видом сидел в самом конце стола, сжимая уже успевший нагреться от тепла его руки стакан водки. Происходящее вокруг его мало интересовало и несколько не притягивало – он не любил шумные компании и чувствовал себя среди незнакомых людей неуверенно и немного скованно, даже разговор толком поддержать не мог. Он привык всецело отдаваться работе, остальное было для него недостойной внимания суетой. Но теперь ему хотелось выпить. Годы работы материализовались наконец в боевого робота, вот только подходящей компании не находилось.

– Вы не против, если я присоединюсь к вам? – раздался за спиной Протасова простывший голос генерала Высоцкого.

– Пожалуйста, – растерянно произнес московский инженер, отодвигаясь на край скамьи.

Генерал с трудом втиснулся в образовавшийся проем:

– Жаль, что у замминистра обороны не нашлось времени приехать на испытания. Вот уже целый день жду подходящего момента, чтобы поговорить с вами с глазу на глаз, – признался генерал, косясь в сторону двух мужчин в штатском. – Эти ребята с вами?

Протасов коснулся губами краешка стакана и впервые за вечер сделал глоток водки. Сорокаградусная оказалась на удивление мягкой и не жгучей.

– Да. Так сказать, телохранители: меня и робота, – инженер криво усмехнулся. – Жаль, что дальнейшие испытания пройдут не под вашим патронажем.

Высоцкий прищурился и пристально посмотрел на московского инженера.

– Вижу, водку вы пьете неохотно и мелкими глотками, как коньяк, – бросив взгляд на недопитый стакан, сказал генерал, – я вас понимаю. Когда вокруг много незнакомых людей, и кусок в горло не полезет.

– Это точно, – проникнувшись доверием к простоватому Высоцкому, ответил Протасов. Высоцкий широко улыбнулся и налил себе в стакан спиртного.

– Вы только не подумайте, что я ретроград какой-нибудь. Я нынешнюю ситуацию понимаю и главнокомандующего поддерживаю. России нужна профессиональная армия. Но неужели вы считаете, что в будущих войнах все станет делать электроника? А зачем же тогда мы, солдаты?

Протасов коснулся кончиками пальцев своего стаканчика.

– Солдаты должны жить! Жен любить, детей растить. Зачем им головы на войне складывать? – привел он свой испытанный аргумент.

– Солдаты на то и солдаты, чтобы умирать, – ответил генерал, полностью убежденный в своей правоте, – это уж кто и на что учился. Я срочников в виду не имел. А только контрактников, тех, кто добровольно армии судьбу свою отдал. Ваше здоровье!

Инженер под пристальным взглядом генерала собрался с силами и залпом осушил стакан. Водка пошла мягко, словно растопленное сливочное масло.

– Не так все просто, мы же не можем воевать по старинке, дожидаться, когда другие страны опередят нас, – ответил инженер и закурил сигарету. – Не зря же Министерство обороны отвело на создание этого робота пять процентов годового бюджета от разработки новых видов вооружений.

Генерал чуть не поперхнулся:

– Сколько?

– Речь идет о десятках миллионов долларов. Не считая стоимости прикладных исследований, – разоткровенничался с непривычки захмелевший Протасов.

– Круто. Деньги в стране сейчас есть. Нефтедоллары. Понимаю, – улыбнулся генерал, разливая водку в стаканы.

Мужчины выпили.

– Деньги, деньги: все теперь в них упирается. Раньше их никто не считал. Ну, кто считал, во сколько обойдется вторжение в Афганистан? А теперь? Боевой робот вещь хорошая, но это же сколько квартир для военных можно было построить, – возмутился Высоцкий.

– И я, и вы – люди подневольные, – улыбнулся Протасов. – Есть аналитики, они просчитывают, что государству выгоднее – квартиры или новые технологии.

– Не знаю, но, на мой взгляд, слишком дорого.

Когда бутылка водки наполовину опустела, Протасов, не привыкший пить, уже не мог сдерживать свой язык.

– Когда-то мобильные телефоны стоили не меньше «Жигулей». Сейчас они есть у каждого школьника, все дело в поточности производства. Когда мы научимся штамповать этих роботов, как хорошая сибирская хозяйка – пельмени, они будут стоить куда меньше.

– И сколько же? – прохрипел генерал, разливая остатки спиртного в стаканы.

– Не более восьмидесяти тысяч...

– Если рублей, я еще согласился бы, но вы привыкли к другим условным единицам, – пораженный цифрой, перебил инженера Высоцкий.

Протасов выпил и широко улыбнулся:

– Ровно столько же, сколько сейчас стоит хороший автомобиль бизнес-класса. Главное – наладить массовое производство.

– За такие деньги лучше ракет наштамповать, – заявил генерал, нанизывая на вилку дольку лимона, – или солдат-контрактников нанять.

– Прошлый век, сейчас в мире другие правила игры, – сказал Протасов, убеждая генерала Высоцкого в правильности своей точки зрения. – К тому же население Российской Федерации стремительно сокращается, в среднем – на семьсот тысяч в год. Скоро в армии будет некому служить! Не китайцев же нам по контракту нанимать.

– Тут вы в точку. Насчет того, чтобы штамповать – на это китайцы мастера, – отозвался седовласый полковник, который, как оказалось, слушал разговор с самого начала, но просто не отзывался, – эти что угодно наштампуют.

– Снижение рождаемости китайцам не грозит. Их и так более двух миллиардов по всему свету, – захмелевший инженер уже не мог остановиться, – армия КНР – больше, чем армии России, остальных бывших союзных республик и НАТО, вместе взятых.

Незаметно оставив допитую бутылку водки в сторону, Высоцкий взял со стола другую. Инженер уже не помнил, сколько он выпил, – перед его глазами все расходилось кругами, но, несмотря на то, что голова кружилась, он продолжал пить – успешно завершённые испытания и благодарный собеседник располагали к тому, чтобы расслабиться.

– Кстати, а почему робота именно на нашем полигоне испытывали? – спросил Высоцкий, выпив очередную порцию водки.

– Решено испытывать его в различных климатических условиях, от Крайнего Севера до... – невнятно произнес Протасов, – на днях, кстати... – инженер настороженно повернул голову в сторону костра.

Поймав на себе взгляды двух мужчин в штатском, он нахмурился, но тут же улыбнулся.

– В чем дело? – еле слышно проговорил Высоцкий, заметив в поведении Протасова внезапную осторожность.

– Ерунда, – махнул рукой инженер, – здесь одни свои, сто раз проверенные. Так вот, о чем это я?

Генерал пожалел, что стал спаивать трезвенника, – Протасов уже с трудом сидел на скамье, еще одна рюмка, и он просто уснул бы. Высоцкий отставил в сторону бутылку и уже хотел предложить Протасову прогуляться.

– Вспомнил, – неожиданно прошептал московский инженер, – на днях нас передислоцируют во Владивосток, испытывать робота в прибрежных условиях. Оттуда – на Камчатку. Испытания в долине гейзеров. И учтите, с боевым, а не с учебным вооружением.

– Это же у черта на куличках, – присвистнул генерал.

– Ерунда, нам выделен отдельный транспортник, – заплетаясь, произнес инженер, – сперва нас перебросят во Владивосток для учений, схожих с теми, которые сегодня прошли и у вас, но с боевым вооружением, а потом – под Петропавловск-Камчатский. Кстати, решено выбросить «Т-191» под Владивостоком на грузовом парашюте – посмотреть, как он себя поведет. С корабля – прямо на бал.

Протасову стало дурно. Генерал подхватил инженера под руки и отвел в сторону. Очитив желудок от алкоголя, инженер вернулся на свое место, но пить, а тем более говорить, он был уже не в состоянии. Его глаза прищурились, и он погрузился в сон, в котором все еще звучали музыка и тосты военных.

– Сынки, – шепнул генерал бойцам комендантского взвода, – человек он государственный, надо с почестями доставить в офицерскую гостиницу. А это, – он взял непечатую бутылку водки, – поставьте ему на тумбочке у кровати.

Глава 3

Оранжевая полоса горизонта, затянутая сверху серыми тучами, тонула в опускающихся на землю вечерних сумерках. Прогремел гром, где-то вдалеке сверкнули одна за одной молнии – вот-вот должен был начаться проливной дождь. Тусклый круг солнца, словно ощутив приближение шторма, покатился за верхушки гор, уступая место уже просматриваемому сквозь серую пленку неба бледному полумесяцу.

Военно-транспортный самолет, как ледокол, прокладывал себе дорогу сквозь налитые свинцом тучи. Несмотря на плохую погоду и приближающийся шторм, экипаж «АН-74» не собирался менять курс или приземляться на ближайший аэродром, чтобы переждать бурю, – насчет этого были даны строгие указания с земли. Груз, находившийся на его борту, должен был оказаться в определенном квадрате без малейшего отклонения от графика. Любая задержка могла стоить командиру погон и должности.

По белому корпусу «АН-74» в одночасье забарабанил мелкий град. Отсек военного самолета наполнился шумом разбивающихся о металл ледышек. Круги иллюминаторов, как это обычно бывает во время обледенения, затрещали, словно пошли трещинами.

– ...угроза обледенения... прошу разрешения снизить высоту, – полетело в эфир.

Получив разрешение на новый «эшелон», экипаж тут же принялся снижать самолет – зигзаги молний осветили застывшую впереди по курсу громадную черную тучу.

А в грузовом отсеке десантники старались не думать о том, что происходит за бортом.

– Перебор! – выругался старший лейтенант и положил на ящик веер карт.

Тусклый свет красноватой лампочки неожиданно потух – в отсеке воцарилась крошечная темнота.

– Это из-за шторма, – бросил лейтенант, с досадой поглядывая в темноту, – такое иногда случается.

– Черт, а у меня двадцать одно было, – раздался басистый голос майора.

– Докажи! – засмеялся один из десантников.

Майор чиркнул зажигалкой, демонстрируя в свете крохотного пламени пикового туза и десятку черв. Старшему лейтенанту ничего не оставалось, как отдать победителю две сторублевые купюры.

– Мужики, а что мы сопровождаем? – донесся из темноты голос капитана.

– Что-то важное, – задумчиво протянул майор, осторожно перебирая пальцами нагретую зажигалку, – шестерых десантников к обычному грузу просто так не приставляют.

– Может, секретная бомба? – предположил лейтенант.

– А черт его знает, – поднявшись с деревянного ящика, невысокий майор с восточным разрезом глаз развел руками, – я знаю не больше вашего, этот груз надо сбросить с парашютом в заданном квадрате.

Некоторое время офицеры спецназа ВДВ молчали, вслушиваясь в гудение двигателей и в чечетку, отбиваемую по корпусу самолета лыдинками. Кто-то из десантников чиркнул спичкой – в темноте засветился уголек сигареты.

– Пойду, груз проверю, – бросил майор, растворяясь в темноте грузового отсека.

– Тебе это надо? – безразличным голосом спросил капитан.

– На всякий случай, – загадочно улыбнулся майор. – Когда освещение отказывает, может отказать и что-нибудь другое.

Фюзеляж военного транспортного самолета был заставлен деревянными ящиками из-под боеприпасов и небольшими картонными коробками с консервами. Рейс было решено использовать и для доставки продовольствия. Поэтому майор, прежде чем сделать шаг вперед, выставлял перед собой руку, двигаясь к хвосту самолета узким проходом на ощупь. Он захватывал

пальцами страховочную сетку и продвигался дальше. Но все равно умудрялся зацепить ногой какую-нибудь коробку или трос. Тихо матерясь, он неторопливо прокладывал путь к поднятой хвостовой аппарели. Когда его правая рука коснулась в темноте холодного до боли в кончиках пальцев металла, уголки его губ растянулись в улыбке. В темноте полыхнул мертвенным зеленым светом циферблат часов.

– Вовремя, – прошептал он.

Оглянувшись и убедившись, что остальные десантники его не видят из-за коробок и ящиков, майор достал небольшой фонарь, вдавил мягкую на ощупь резиновую кнопку на пластмассовом корпусе. Тонкий луч света выхватил из темноты продолговатый пенал, метр в высоту и два в ширину, с закрепленным на нем парашютом.

«Вот и ты», – улыбнулся в душе десантник.

Он плавно повел рукой – луч света остановился на шести рюкзаках, аккуратно составленных возле переборки и притянутых к ней страховочной сеткой. Майор сразу узнал свой, хотя на вид все они были похожи как две капли воды. С тихим треском расстегнул «липучку».

– Майор, все в порядке? – донесся из темноты голос старшего лейтенанта.

– Сейчас, – отозвался майор, быстро перебирая пальцами по дну рюкзака, – пару секунд, тут крепление ослабло, подтяну...

– Я тебе помогу, – ответил тот же голос, – ноги затекли, хоть пройдушь немного.

– Не надо, я уже справился, – попытался отговорить его майор.

Но в темноте отсека уже слышались шаги старлея, пробирающегося сквозь лабиринт ящиков и коробок. Майор выключил фонарь и, спрятавшись за пеналом, вынул нож-стропорез. По его липкому от пота лицу пробежала дрожь, сердце отозвалось учащенным биением. И без того узкие глаза превратились в щелки.

– Ты где? – где-то уже совсем близко прозвучал голос старшего лейтенанта.

Майор осторожно выглянул из-за укрытия – ничего не подозревающий офицер стоял к пеналу спиной, напряженно вглядываясь в темноту. Его атлетическая фигура идеально вырисовывалась в пробивающемся сквозь иллюминатор свете. Майор затаил дыхание и бесшумно, словно кот, заметивший мышь, изготовился.

– Да что... – только и вымолвил старлей, медленно поворачиваясь лицом к пеналу.

Рука с ножом, мелькнувшая перед глазами старлея, сошлась змеей на его шее, полностью блокировав доступ кислорода. Острое лезвие стропореза описало под подбородком ровную линию, тут же набухшую кровью. Старший лейтенант дернулся, попытался позвать на помощь, но вместо крика из его перерезанного горла вырвался лишь приглушенный хрип и бульканье. Майор аккуратно, чтобы не создавать лишнего шума, опустил обмякшее тело своего сослуживца на пол отсека.

– Я же говорил тебе, что сам справлюсь, – зло прошептал он.

Вернувшись к своему рюкзаку, майор в спешке достал противогаз и серебристый, похожий на термос из нержавеющей стали баллончик. Сквозь запотевшие «глаза» противогаза и до того темный отсек показался майору еще более мрачным и непроглядным, но десантник знал, что без защиты ему не обойтись.

Скрутив форсунку, майор метнул открытый баллончик в темноту, туда, где находились остальные десантники. Послышался звон ударяющегося о металлический настил баллончика, зашипел газ. Помещение грузового отсека за считанные секунды наполнилось острым запахом отравляющего вещества.

– Что это? Где противогазы? – доносились до майора встревоженные голоса офицеров.

Но смертельное действие газа было настолько быстрым, что даже не все десантники успели подняться со своих мест – едкий дым проникал в легкие, резал глаза, сводил судорогой ноги и руки. Кто хватался за шею, кто выпучивал глаза, все пытались задержать дыхание, но

исход для всех был один и тот же – скоростная смерть. Хватило и того газа, который был вдохнут прежде, чем десантники почувствовали опасность.

Майор прошелся по отсеку. Убедившись, что все мертвы, он снял панель и резким ударом стропореза пробил трубку гидропривода. Струя гидравлического масла ударила в штабель ящиков. А потом майор принялся стучать в дверь кабины пилотов. Но на фоне гудевших двигателей стук прозвучал как еле слышный шорох.

– Течь! – придав голосу как можно больше эмоциональности, загорланил майор. – Течь!

Хитрость десантника сработала – за дверью раздались приглушенные гулом двигателей голоса:

– Давление в системе падает. Что там, черт возьми, происходит?

– Вроде течь... Надо проверить.

Щелкнул замок. Кулак майора молнией пролетел в образовавшуюся щель – пилот всхлипнул. Не теряя ни минуты, десантник схватил бедолагу за шею и буквально выбросил из кабины в отсек. Толкнул ногой дверь. Лицо штурмана застыло в ужасе и начало тут же белеть – нервно-паралитический газ заполнил кабину.

– Газы, газы, – захрипел штурман, извиваясь ужом в кресле.

«Сам сдохнет», – решил для себя десантник.

Самолет трясло. Майор с трудом стоял на ногах, ухватившись в последний момент за один из стальных тросов, удерживающих пенал с грузом в неподвижном состоянии. Выудив из кармана миниатюрный компьютер, десантник вцепился взглядом в светящееся изображение карты, по которой двигалась мигающая точка – транспортный самолет.

«Сопка, лес, болото... Нет, не то... Вот! Река Буряя, наименьшее удаление от границы с Китаем. Амур», – проговаривал про себя он.

Тяжело задыхав в трубку противогаса, майор в спешке надел парашют, подобрался к пеналу, закрепил на его корпусе крохотный пеленг с небольшим радиусом действия. Включил механизм опускания хвостовой аппарели. Ледяной ветер ворвался в грузовой отсек, он рвал картон коробок, оголяя смазанные констатином бока консервных банок. В черную бездну за хвостом самолета летел мусор. Майор дождался, когда аппарель опустится, отцепил груз от стальных тросов, подтолкнул его – пенал со скрипом заскользил по полу и растворился в ночной мгле. Отсчитав про себя десять секунд, майор прыгнул следом.

Его тут же подхватил тугий поток воздуха, перевернул. Вверху мелькнули огни удаляющегося транспортника. Майор расставил руки, развел согнутые в коленях ноги, сумел выровняться в падении. Теперь его вращало только в одной плоскости – горизонтальной, как волчок. Рассмотреть что-либо в ночной темноте, да еще во время бури было нелегко. Слой грозовых облаков стремительно приближался. Однако майор умело ориентировался в воздухе – он знал приблизительную высоту, на которой необходимо открыть парашют.

* * *

Самолет бросало из стороны в сторону, словно подхваченный ветром полиэтиленовый пакет. Лопались страховочные сетки. Через распахнутый люк уже вылетали коробки, потрескавшиеся ящики рассыпались, ходила ходуном, стучала дверь кабины пилотов. Еще немного, полчаса полета, и от всего самолета остался бы только голый фюзеляж, и тот вскоре развалился бы на куски.

Гортань и легкие горели, словно по ним прошли пламенем паяльной лампы. Штурман повернулся в кресле, с трудом приоткрыл слипшиеся глаза – сверху на него смотрел потолок кабины. И только через несколько секунд он понял, что все еще жив. Пальцы ног и рук сводила судорога. Штурман вздохнул полной грудью – на его счастье, едкий дым быстро выдуло сквозившим в чреве самолета ветром. Штурман с трудом повернул голову – раздался хруст шейных

позвонок, но ему показалось, что это трещит лед, покрывший кожу. Его затуманенный взгляд замер на панели приборов, мигавшей разноцветными лампочками, будто новогодняя елка. Он не сразу вспомнил свое имя, не сразу сообразил, что самолетом управляет автопилот.

– А где?.. – ужаснулся он, заметив пустующее кресло пилота.

Вместе с этим пониманием к нему вернулась и память. Штурман вспомнил, что произошло с ним за последние минуты, перед тем как потерял сознание. Непослушными от мороза пальцами он сумел расстегнуть ремень, шатаясь в такт с самолетом, перебрался на место пилота.

Высота, на которой находился «АН», была низкой – метров четыреста, триста. Искусственный горизонт на гироскопе показывал, что самолет продолжает снижаться из-за неполадок в гидросистеме. Еще было время выровняться, если бы только по курсу не просматривались сопки. Штурман уже настолько пришел в себя, что осознавал, если не удастся поднять самолет до приближения к возвышенностям, то наступит конец. Он отключил автопилот. Но руки не слушались его, сознание то меркло, то постепенно светлело в глазах.

– Давай, родной! – отчаянно произнес штурман, потянул штурвал на себя.

Усилие вызвало боль, мужчина хватил воздух ртом и потерял сознание. Продолжая сжимать штурвал, штурман откинулся в кресле. Самолет не послушался штурвала. Стрелка высотомера медленно опускалась. «АН» трянуло, штурман открыл глаза. Мигающая лампочками панель двоилась, расплывалась перед глазами. Он, сжав зубы, сосредоточился. Давление в гидросистеме упало, и рули не слушались. Оставался лишь один выход, маневрируя двигателями, увести самолет в сторону. Штурман перевел левый двигатель на минимум и добавил тяги с правой стороны. В какой-то момент ему показалось, что спасение возможно – сопка медленно уходила.

Транспортник врезался чуть ниже макушки сопки, прогремел мощный взрыв. Ночное небо озарилось ярким пламенем. Охваченные огнем конструкции самолета с грохотом скатывались с горы, подминая под себя деревья и кустарник.

* * *

Утренний туман, волнами стелившийся по склону горы, неспешно рассеивался. В его серой, уже таявшей дымке блестели оранжевые мигалки техники, пригнанной сегодня с утра для того, чтобы пробиться к месту авиакатастрофы. За цепочкой бульдозеров, прокладывающих от грунтовки дорогу сквозь заваленный деревьями и поросший кустами склон, виднелись армейские «УАЗы», два фургона «Скорой помощи» и новенькие «ГАЗы» с эмблемой МЧС на бортах.

Верхушка сопки, в которую врезался военно-транспортный самолет, еще походила на кратер вулкана: клубы дыма, сползающая вниз гарь и летящий по ветру пепел. Показавшийся в небе вертолет описал круг над сопкой и пропал в столбе дыма.

– Чего стали? – зло прохрипел генерал Высоцкий в рацию, приспуская боковое стекло армейского «УАЗа» и выбрасывая окурки.

– Хвост самолета обходят, товарищ генерал, – тут же раздалось из динамика.

Поняв, что работы по обходу хвоста транспортника займут не одну и даже не две минуты, Высоцкий выбрался из машины и закурил, плюнув на свое здоровье. Утренний холод дрожью прошелся по его поседевшему затылку. Подняв ворот бушлата, он поставил ногу на ствол поваленного дерева, уперся в колено локтем и угрюмо посмотрел вниз – с высоты птичьего полета тянувшийся внизу участок свежепроложенной серпантинки казался ничтожно коротким и малым.

– Дай-ка бинокль, – бросил через плечо генерал.

Выбравшийся из армейского «УАЗа» капитан мрачно смотрел перед собой.

– Я так и думал, – выругался Высоцкий, рассматривая в бинокль штатскую автомашину, свернувшую с грунтовки, – журналисты уже здесь. На микроавтобусе катят с тонированными стеклами. Думают, что мы их за спецслужбы примем. Пускай наши люди внизу дорогу перекроют, лишние глаза и уши нам не нужны.

– Есть! – в руке капитана зашипела рация.

– Да, и еще. Если будут спрашивать, что здесь происходит, отсылай их в пресс-центр Министерства обороны, там знают, что в подобных ситуациях говорить. В любом случае, спровадь их подальше.

Капитан криво улыбнулся:

– Может, просто отобрать у них видеокамеру...

– Смеешься? Этих хреновых уродов лучше не трогать. Потом дерьмом измажут, не отмоешься.

– А что делать, товарищ генерал, если настаивать будут? Мол, свобода информации и все такое прочее... – капитану не слишком хотелось брать на себя ответственность, знал, что говорить с журналистами придется под прицелом камеры.

– Что? Что? – недовольно пробурчал Высоцкий. – Пошли их... и расставь людей по периметру. В случае крайней необходимости докладывать мне.

– Есть. Все сделаем.

Генерал растоптал носком ботинка сигарету и выжидающе посмотрел на бульдозеры, сталкивающие свежие стволы елей в ближайший от дороги овраг.

– Скоро тронемся? – спросил он у рации.

– Минут через пять, – ответил все тот же голос.

Высоцкий посмотрел вниз – «Фольксваген» с тонированными стеклами уже замер на обочине дороги, прижатый к земляному валу БТРом. Несколько рослых солдат стояли кольцом вокруг микроавтобуса и несильно стучали прикладами автоматов по кузову. Журналисты общались с капитаном через приспущенное стекло.

– Теперь они уже не такие наглые, – генерал сплюнул под ноги, – права, как прежде, не качают.

Настойчивости журналистов пришел конец – телестудия на колесах покатила вниз по серпантинке.

– Так вам и надо, журналисты хреновы, нечего на чужом горе деньги зарабатывать, – криво ухмыльнулся Высоцкий.

– Можно двигаться вперед, – машинист бульдозера прыгнул на землю.

Большая воронка, сделанная упавшим самолетом, дымилась в вышине, словно ствол выстрелившего пистолета. По краям валялись куски покореженного металла, поломанные деревья покрывал толстый слой гари, в гуде обломков с трудом угадывался самолет...

– словно метеорит упал, – присвистнул генерал, выбравшись из машины.

Место катастрофы, где работали поисковики, находилось выше, дальше ехать было нельзя. К армейскому «уазику» уже спешил худощавый мужчина в очках, прилетевший на вертушку сопки на вертолете. Лицо инженера Протасова было осунувшимся. Темные круги под глазами говорили сами за себя.

– Здравствуйте, – вздохнув, произнес Высоцкий, – вот мы и снова встретились.

Узнав в военном генерала Высоцкого, инженер попытался придать себе более бодрый вид:

– Вы руководите поисками?

– Именно так.

– Сколько людей вы можете задействовать в поисках груза?

– Достаточное количество, – успокоил инженера пожилой генерал, – здесь все, кого можно было собрать за короткое время – сотрудники Министерства обороны, Федеральной

службы безопасности, Министерства внутренних дел, МЧС, в конце концов. Бортовые самописцы найдут в течение ближайшего часа.

– Мне не нужен «черный ящик», мне нужен пенал, – настойчиво произнес Протасов, – вы же знаете, сколько стоит этот робот.

– По-моему, вам лучше будет поспать полчаса в моей машине. А потом выпьем кофе, все равно к месту падения техники сейчас не подобраться, – невозмутимо ответил Высоцкий, – а о ходе поисковых работ нам доложат сразу же, как станет что-либо известно.

* * *

– Итак, что мы имеем? – Инженер устало посмотрел на экран монитора и допил кружку остывшего кофе.

– «Черные ящики» пока не расшифровали, – проговорил фээсбэшник, бросая взгляд на настенные часы, – восемь обгоревших трупов, но их еще предстоит идентифицировать.

Протасов напрягся – он помнил, что сопровождение груза было поручено шестерым офицерам спецназа ВДВ. Если прибавить двух пилотов и штурмана, то трупов должно быть девять, а их – восемь. Что-то здесь не вязалось.

– Погодите. Пенал охраняло шесть человек. А, как я понимаю, в самолете были еще два пилота и штурман. Тогда где еще одно тело?

В просторном кабинете генерала Высоцкого повисла напряженная пауза. Смысл слов московского инженера начинал доходить до хозяина кабинета и фээсбэшника. Здесь, среди «посвященных», уже можно было говорить открытым текстом, какого рода был груз, но пока еще срабатывал рефлекс обходиться иносказаниями: «пенал», «груз»...

– Возможно, – протянул чекист, – его просто еще не нашли?

– Может... – подал голос Высоцкий. – Как бы то ни было, надо дождаться окончания поисков.

– Что-то тут не так, – перебил генерала Протасов, – «Т-191» изготовлен из титанового сплава. Хоть что-то от него должно было остаться. А на месте авиакатастрофы ни кусочка работа.

Смекалка фээсбэшника заработала на полную мощность, словно ждала того момента, когда ей дадут нужный толчок:

– Если сопоставить исчезновение робота и одного тела, то можно прийти к выводу, что они между собой каким-то образом связаны.

– Не понял, – инженер Протасов никак не хотел верить в худшее.

Фээсбэшник невесело улыбнулся:

– Если робот не может похитить человека, то человек вполне на такое способен. Конечно, это только допущение. Надеюсь, что груз уцелел и мы обнаружим его после тщательного прочесывания местности.

* * *

Затолкав скомканный парашют под корни дерева, забросав его прошлогодней листвой, майор выбрался на опушку леса, настороженно прислушался – нет ли кого поблизости? Вдалеке, за горной грядой послышалось завывание волков. Десантник вытер рукавом вспотевший лоб и перевел дыхание:

«Уж лучше звери, чем люди».

Место, которое выбрал для десантирования офицер спецназа ВДВ, и впрямь было диким – ни линий электропередач, ни железнодорожного полотна. На многие километры лишь лес, болота да горы. Майор присел на обросший мхом валун.

– Посмотрим, что у нас получилось.

Как только на экране монитора загорелась подробная карта здешней местности, десантник заметил красную точку, мерцающую всего в паре километров от того места, где находился он сам. Если бы груз оказался в четырех километрах, радиомаяк бы не «достал». Похищение робота и так рисковал, слабый сигнал могли засечь чувствительной аппаратурой. Сигнал прикрепленного им к пеналу миниатюрного пеленга фиксировался, и на экране появились точные координаты нахождения груза. Но праздновать победу было еще рано. Во-первых, предстояло добраться до груза, а во-вторых, существовала вероятность того, что парашют мог не раскрыться и пенал с роботом угодил в болото. При таком исходе дела все старания майора сводились к нулю – без техники тяжелый груз из трясины не вытащить. Но местность, если верить карте, была незаболоченной.

Не теряя ни минуты, офицер спецназа ВДВ закинул на плечо «АКМ», повесил на шею компьютер в защитном кейсе и заспешил в сторону гор, у подножия которых и находился пенал с ценным грузом. Вскоре мелкое редколесье сменилось густым осиновым лесом, сплошь поросшим кустарником. Вчерашний шторм преподнес майору подарок: сломанные нижние сучья и прибитый к земле кустарник лишь хрустели под ногами, не вставая преградой на пути десантника. Не делая остановок, майор чуть ли не бежал, чтобы поскорее добраться до сброшенного им этой ночью на парашюте пенала с роботом.

Проложенная штормом дорога вскоре вывела майора спецназа ВДВ к безлесной равнине, разделявшей осиновый лес на две части. Десантнику пришлось остановиться, так как под протекторами его ботинок захлопал мутной водой мох. В воздухе пахло перегнившим деревом и болотной тиной. В шею майора укусил комар. Прихлопнув насекомое, он опустил на ближайший поваленный ствол и открыл крышку ноутбука.

– Не может быть, – произнес десантник, не веря своим глазам.

По его вспотевшей спине мурашками прошел холодок – пенал с грузом вполне мог затонуть в несуществующем, если верить карте, болоте. Худшие опасения начинали превращаться в реальность.

Решив не отчаиваться раньше времени, майор срезал ножом высокую тонкую осинку, обломал вершину и ветки, сделал шаг вперед. Конец самодельного шупа опустился на целый метр в зловонную жижу болота. Глубже погружать осиновый ствол не имело смысла – все равно не пройти.

Прятавшееся все утро за серыми тучами солнце наконец выглянуло, развеяв ярким светом полумрак леса и застывший над болотом туман. Майор присмотрелся – на некоторых участках болотного поля просматривались островки твердого дерна, по которым при желании можно было перебраться на противоположный берег, где, как надеялся майор, и должен был оказаться пенал с грузом.

Передвигаться по болотным «оазисам» было рискованно – ошибся на полшага и провалился в топь. Островки были не твердой землей, а ковриками из переплетенных корней болотных трав, они буквально плавали в трясины. Майор не раз слышал рассказы охотников, товарищи которых с головой уходили в зловонную жижу, при этом еще успевали исповедоваться богу. Поиски окольных путей займут по крайней мере полдня. Позволить себе такую роскошь он попросту не мог – по его расчетам, военные поймут, что груз похищен, ближе к вечеру, и тогда будут организованы крупномасштабные поиски.

Десантник попятился и, словно спортсмен, ставящий мировой рекорд по прыжкам с шестом, перемахнул на ближайший островок – подошвы его ботинок коснулись подрагивающего дерна. Уверовав в свои силы, майор отыскал взглядом еще один болотный оазис. Короткий разбег – и на этот раз благополучно. Больше всего он боялся, что не сможет вырвать шест из трясины, потеряет его. Майор уже собрался перепрыгнуть на третий островок, как заметил на противоположном берегу болота оранжевый кусок материи, выглядывающий из-под зарос-

лей ольшаника. Его лицо расплылось в улыбке – кусок материи был фрагментом парашюта, закрепленного на пенале с грузом.

– Значит, не в трясине.

Когда цель видна, когда знаешь, что силы потрачены не зря, пробираться к ней значительно легче. Через час изнуряющих прыжков с островка на островок майор наконец выбрался на противоположный берег, запрокинул голову. За поваленными осинами отчетливо просматривался купол оранжевого парашюта, застрявший в двух стволах деревьев-великанов. Натянутые, словно гитарные струны, стропы удерживали над землей пенал с грузом. Спотыкаясь о стволы и коряги, майор уже бежал на свет оранжевой материи.

Глава 4

Многомиллионный город, словно разворошенное осиное гнездо, гудел в час пик: не стихающий визг тормозов, нудный писк клаксонов, шум голосов, лязг проносающихся по мостам электропоездов. Людские потоки заполняли все артерии и капилляры города. Жители спешили на работу, пробираясь по узким тесным улочкам пешком, на мотороллерах и велосипедах.

Нищета и богатство соседствовали здесь почти на каждом углу. Фешенебельные небоскребы с напыщенной гордостью смотрели на ветхие лачуги и сараи, на парковке бок о бок стоял надраенный до блеска лимузин и заржавелый велосипед, дешевую закусочную теснил дорогой ресторан. Конечно, такую картину можно увидеть и в любом другом городе мира, но в Пекине этого заметно больше, контрасты ощущаются повсеместно.

Красивое белое здание, спрятанное от посторонних глаз за высоким сплошным забором, даже в солнечные дни постоянно находилось в тени старых маньчжурских орехов и сосен. Аккуратно подстриженный газон пересекали бетонные дорожки – по прилегающей к зданию территории каждые полчаса проходил патруль. Видеокамеры наружного наблюдения, сосчитать которые не хватило бы пальцев рук и ног вместе взятых, прятались повсюду. Перелезть через забор, а тем более подобраться к зданию незамеченным, было просто невозможно. Повышенные меры безопасности и недоступность для глаз прохожих объяснялись очень просто – здание принадлежало китайской военной разведке.

Видеопереговорное устройство на пульте контрольно-пропускного пункта запищало так неожиданно, что невысокий охранник в солнцезащитных очках чуть не опрокинул на колени кружку горячего зеленого чая.

– Вы к кому? – спросил охранник, разглядывая на экране бледное лицо немолодого китайца в строгом черном костюме, сидевшего за рулем машины.

– Донг Син. Тридцатый кабинет! – коротко отозвался незнакомец.

– Минутку.

Охранник аккуратно положил солнцезащитные очки на стол, распахнул толстый журнал, сверил занесенный рукой напарника номер машины с тем, что значился под бампером автомобиля. Затем его взгляд остановился на трехзначном номере внутреннего телефона – список покоился под толстым стеклом на столе.

– К вам посетитель... Пропустить? – произнес он в трубку красного дискового телефона.

Охранник надавил на пульте синюю кнопку, щелкнул замок – раздвижные ворота разъехались. «БМВ»-«семерка» с тонированными стеклами молнией пронеслась возле КПП, свернула на аллею и притормозила у входа в здание. По лестнице спустился высокий стройный китаец.

– Последние два дня за тобой не следили? – нетерпеливо спросил он, хлопнув передней дверцей.

– Все чисто, – кивнул водитель «БМВ».

– Тогда поехали. Беседа в моем кабинете отменяется.

Бледный китаец Донг Син удивленно вскинул брови, но не стал спрашивать, почему. Они выехали за ворота.

– Решение было принято только что – на совещании, – пояснил сотрудник разведки, нервно глядя в зеркальце заднего вида, – и я не успел тебя предупредить.

Водитель «БМВ» пожал плечами.

– Боятся утечки?

– И это тоже.

Около часа он петлял по окольным улочкам, чтобы окончательно убедиться в отсутствии за ним слежки. «БМВ» свернула на одну из стоянок, а через полчаса двое мужчин как ни в чем не бывало прогуливались по главной площади города.

Место для важного разговора было выбрано водителем «БМВ» не случайно – площадь Тяньаньмэнь в любое время суток кишела туристами и продавцами китайских сувениров. Здесь спокойно можно было посидеть в ресторане за чашечкой чая и обсудить важные дела, не опасаясь, что за тобой ведут наблюдение. К тому же хозяин одного из таких ресторанов был другом бледного китайца.

– Проходите! – расплылся в улыбке владелец ресторана. – В конце зала направо желтая дверь. Вам туда.

– Спасибо, товарищ, – поблагодарил бледный китаец, опуская в карман владельца ресторана купюру. – Если заметишь необычного посетителя...

– Я знаю, где вас искать, и задержу его, – китаец понимающе кивнул.

Небольшая комнатка, выкрашенная в желтый цвет, была практически лишена мебели. В ее центре стоял лишь карликовый стол, две фарфоровые кружки и чайник. Вместо стульев на полу лежали две циновки.

– Здесь безопасно вести разговор, – проговорил водитель «БМВ», опускаясь на одну из циновок.

– Ему можно доверять? – покосившись на желтую дверь, с ноткой протеста в голосе спросил высокий китаец.

– Абсолютно...

– Если ты веришь ему, то я тоже, – произнес высокий китаец, усаживаясь на циновку.

Разлив по миниатюрным кружечкам заваренный чай, мужчины выпили. Теперь можно было переходить к делу.

– Пришлось ускорить похищение робота. Изменить план. Его перевозили на транспортнике. Несмотря на спешку, все прошло удачно, как мы и планировали. Наш человек уже выходил на связь. Сегодня же ты вылетаешь в Хабаровск, обеспечишь переправку груза в Китай. В любом случае нам нужен весь робот, до последнего винтика. И электроника, и механика, и вооружение.

Бледный китаец утвердительно кивнул – для него как для одного из секретарей консульства КНР в Хабаровске перевозка любого разумных размеров груза не могла стать проблемой – дипломатическая почта не будет подвергаться таможенной проверке. Риск был минимальным. Не удастся вывезти целиком, можно разобрать робота на части и переправить в Китай.

– Завтра с утра я с тобой свяжусь, – плеснув себе в чашечку еще чаю, ухмыльнулся бледный китаец.

– Китаю жизненно необходим успех в этом деле.

– Я все сделаю, как обычно, – ответил Донг Син.

* * *

Конференц-зал представительства МЧС в Хабаровске был переоборудован во временный штаб, в который стекались свежие данные, касающиеся крушения военного транспортника. Все проводилось в строжайшей секретности и закрытости – ни одного газетчика и телевизионщика. В центре собрались лишь проверенные люди, настоящие профессионалы в своей области: работники МО, оперативники Федеральной службы безопасности, сотрудники Министерства по чрезвычайным ситуациям и несколько экспертов.

– Что мы имеем на данный момент? – прервав долгое молчание, громко произнес генерал Высоцкий.

– Пока только расшифрованы записи с «черных ящиков», – проговорил фээсбэшник, – зафиксировано восклицание одного из членов экипажа: «газы». Анализ проб тканей погибших еще не завершен. После этого восклицания через минуту была опущена аппарель.

Генерал задумчиво посмотрел в потолок.

– Версии? – спросил он, окинув присутствующих в зале пристальным взглядом.

– Можно осторожничать, но мне кажется, в качестве рабочей версии надо однозначно принять, что борт самолета был отравлен газами, – предложил один из военных. – Так мы выиграем время.

– Вполне, другого объяснения этой короткой реплике пилота я тоже не нахожу, – согласился Высоцкий. – А вы что думаете?

Фээсбэшник развел руками:

– Согласен, но необходимо дождаться результатов. Первая мысль не обязательно – правильная...

Не успел он договорить, как на экране компьютера загорелась табличка, извещающая о том, что пришло новое письмо.

– Каких еще результатов? – спросил генерал, разглядывая побитое оспинами лицо фээсбэшника.

– Они только что пришли, – ответил сотрудник ФСБ, щелкая пальцем по левой кнопке мыши.

Инженер Протасов, до этого с поникшим видом наблюдавший за всем происходящим, оживился.

– Химический анализ и патологоанатомическое вскрытие подтверждают – борт действительно подвергся атаке нервно-паралитическим газом... – прочитал на одном дыхании фээсбэшник, – и еще. Уже собраны все фрагменты, установлены личности погибших. Отсутствует не только тело майора Бутусова, но и его оружие, также не найдено и остатков одного из парашютов. К сожалению, идентифицировать остатки парашютов невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.